

МИЛА СЕРБИНОВА

The background of the cover is a complex, abstract geometric pattern in black and white. It consists of numerous overlapping, irregular shapes and lines that create a sense of depth and movement, resembling a fragmented or shattered surface.

***Воскресшая
из сна***

18+

Мила Сербинова

Воскресшая из сна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64099272

SelfPub; 2021

Аннотация

Когда в жизни не хватает места для любви и сострадания к ближним, когда обнаруживаешь, что их место в сердце оккупировали демоны вроде ненависти, злобы, разочарования и отчаяния, остается лишь одно – переосмыслить всю свою жизнь и попытаться спасти из пепла последние уцелевшие частицы души, чтобы взрастить из них живые человеческие чувства. А еще можно использовать неожиданно приобретенные сверхспособности. Или нельзя?! Главная героиня романа, Мария Махова, в ранней юности столкнулась с многогранными проявлениями зла, ворвавшегося в счастливую, мирную жизнь ее семьи. Как она поступит? Пойдет на поводу своих эмоций или понадеется на вселенское возмездие? А, может, вселенной нужно помочь восстановить справедливость? Каждый сам должен найти правильный ответ на данный вопрос.

Мила Сербинова

Воскресшая из сна

Каждый из нас сам делает себя либо несчастным, либо сильным. Объем работы, необходимой и в первом, и во втором случае, – один и тот же.

Карлос Кастанеда

I

Привет, дневник!

Я вспоминаю прежнюю жизнь, как сказку, рассказанную кем-то в детстве. Даже не верится, что люди могли быть так счастливы! Может, это было не со мной и я все придумала от отчаяния? Наверное, я уже перестала воспринимать действительность и отличать ее от вымысла. Наверное, это очередной глюк. Такое счастье может привидеться только под кайфом. Или нет?! Я очень хорошо помню свою прежнюю жизнь, до всего этого безумного кошмара, без объявления войны свалившегося на нашу семью.

Мы переехали в чудесный загородный дом в начале осени. Это было за год до появления Насти в нашей жизни. Золотые осенние листья замели проезд к дому, лежали на его ступенях и каким-то образом даже пролезли в нашу гостиную. Красивый двухэтажный коттедж в подмосковном дачном поселке «Черный лес» теперь стал нашим новым жилищем. Позади осталась шумная Москва с ее суетой и пробка-

ми. Здесь звенящий чистый воздух и несусветная скука. Я тогда так не хотела уезжать из круглосуточно гудящего мегаполиса, расстаться с друзьями, но родители все решили за нас с братом. Кстати, меня зовут Мария Махова, но все с детства называли меня Маха, как ту кошку из старого страшненького мультика «Золотое кольцо».

Когда мы переехали, мне было пятнадцать лет. Я училась в колледже, хотела стать архитектором, обожала смотреть по телику веселые глупые комедии, очень не любила высушивающую мозг математику и мечтала встретить свою первую любовь. Мне в колледже даже нравился один парень, Коля, но он совсем не обращал на меня внимание. Жаль... В общем, я обычная девчонка, как и тысячи других. Какой-то особенной я себя никогда не считала.

Я не захотела идти в десятый класс и после окончания девятилетки поступила в строительный колледж. Мне в основном нравится там учиться, хотя было очень жаль расставаться со старыми школьными друзьями. Нет, нравилось учиться. Я никак не привыкну говорить о своей жизни в прошедшем времени. Вообще то, предки у меня классные, но местами страшно упрямые. Я даже удивилась, что они поддержали мою идею поступить в колледж, вместо того, чтобы продолжать ходить в школу и бесполезно тратить время на изучение того, что мне и через тысячу лет не понадобится.

– Ну, что же, это неплохая идея, – сказал тогда папа. – Пусть для начала получит профессию. Если понравится и не

передумает становиться архитектором, поступит в институт и продолжит учебу, а если передумает, выберет что-то другое.

Вообще-то папа Витя, он мне не папа. Мой настоящий папа Степан свалил к другой тете и уехал в Екатеринбург, когда мне было десять лет. Там у него родились два сына, но я их ни разу не видела и, наверное, никогда так и не увижу своих младших братиков. Вначале, помню, папа время от времени звонил и все грозился приехать, но потом, наверное, передумал. В общем, мы с мамой на него давно забыли. Кеше тогда было три года. Он папу вообще не помнит.

Через год после ухода папы появился папа Витя – мамин второй муж. Он классный, а когда немного выпьет, становится таким веселым! Мы с Кешей умирали от смеха, такие прикольные истории он рассказывал. Папа Витя ветеринар. У него собственная ветклиника в Москве. У нас и дома свой «трогательный зоопарк», как называет мама наших питомцев. Папина любимица, лабрадор Жужа из них самая главная. Когда папа принес домой маленького толстопопого щенка, он сказал:

– Раз у нас есть Маха, пусть будет еще и Жужа из того же мультика.

А вот сибирскую кошку мы называли Ульяной. Она и вправду, такая вредная! Ее даже не погладишь. Все время шипит, зато какая зеленоглазая красавица с кисточками, торчащими из ушей! Ульяна подлизывалась только к маме.

Она слишком умная для кошки и понимает, что с мамой отношения портить вредно для здоровья. Кормит то ведь всех именно она. Еще у нас есть, то есть был, говорящий волнистый попугайчик Даня – большой Кешин приятель, а также белоснежный хорекек Ненси. Ей повезло больше, чем всем нам. На нее не объявили охоту.

Папа Витя каждое утро отвозил нас в Москву. После того, как подвезет Кешу до школы, а меня до колледжа, он ехал на работу в свою клинику, которая расположена на другом конце города. Он мне нравился, потому что у него никогда не бывало плохого настроения, а нас с Кешей он любил как родных. Я до сих пор удивляюсь, почему они с мамой не сделали совместного ребенка. Как-то раз я даже спросила об этом маму, а она почему-то расплакалась и вышла в другую комнату. Я поняла, что ляпнула что-то не то и больше к этой теме не возвращалась.

Новый дом такой просторный! У меня наконец-то появилась собственная комната, как и у Кеши. У нас на первом этаже большая гостиная с настоящим камином, который топят дровами. От этого в комнате появляется такой приятный запах! А еще на первом этаже большая кухня с круглым столом посередине. Там мы больше всего проводили времени, рассказывая обо всем, что случилось за день. У нас было принято ничего не скрывать, делиться всем друг с другом и принимать совместные решения. Исключение делалось только в тех случаях, когда нужно было принять очень важное

решение, как с переездом из Москвы. Нас с Кешей тогда не спросили.

На втором этаже коттеджа из белого кирпича размещались только три спальни и одна на всех ванная комната. Самая большая спальня, конечно же, была у папы с мамой. Моя меня вполне устраивала. Она точно больше той, что мы делили с Кешей в московской двушке. У Кеши теперь жила половина нашего зверинца. Он отвел большой уголок для хорька и нашел место для просторной клетки Дани. Жужа всегда оставалась в гостиной, чаще всего растянувшись на ковре около теплого камина, а Ульяна вообще гуляла, где ей вздумается. Что касается мамы, она была идеальной домохозяйкой, для которой любое пятно на светлом ковре или лишняя пылинка на мебели являлись личным вызовом. Поэтому у нас дома всегда царили чистота и идеальный порядок. За год жизни в загородном доме я привыкла к нему и полюбила его.

Вот так весело и дружно мы живем, точнее, жили, пока в наш уютный дом не ворвалась беда. Беду звали Настей. Началось все с того, что на пороге нашего светлого дома появился мой отец. Настоящий отец, тот, который бросил нас ради другой женщины и забыл о нашем существовании на шесть лет. Противно называть Степана папой! Типа папа выглядел почти также, как и в тот день, когда с одним чемоданом в руках, не оглядываясь, сбежал вниз по лестнице, а мама стояла в дверях квартиры и беззвучно плакала. Таким я его, во всяком случае, запомнила. И вот он снова стоит в

дверях, смотрит на меня и нагло улыбается.

– Как же ты выросла, Маха! – сказал он, распахивая объятия.

Я стояла неподвижно. Кеша был наверху, рубился в какую-то очередную стрелялку, а мама возилась в саду за домом. Папа Витя был на работе.

– Что, не узнаешь папку, маленькая? – спросил он, снова противно ухмыляясь.

– Да нет, почему же? Узнаю, только ты мне не папка, понял?! – наконец, отважилась ответить я. – Мой папка бросил нас шесть лет назад. У меня есть один папа. Папа Витя. Понял?!

– Ну и хрен с тобой! – с досадой воскликнул Степан. – Не хочешь называть меня папкой, не называй. Называй папой чужого дядю, если тебе так нравится. Скажи лучше, мама где?

– В саду, за домом, – сквозь зубы прошептала я, готовая разрыдаться.

Я вообще тогда еще не была приучена к стрессу. Меня никто не обижал. Дома у нас все было спокойно, предки меня никогда не терроризировали нотациями или запретами. Я и сама не была дурочкой, ни во что не вляпывалась, не заводила мутных друзей. Мне разрешали смотреть и читать все, что мне нравится, не запрещали допоздна сидеть перед телевизором или за компьютером. Я хорошо училась в школе, хотя круглой отличницей никогда не была. Меня даже за случай-

ные тройки никогда не ругали. Папа Витя говорил, что в свое время был неисправимым двоечником, а учителя обещали ему «светлое будущее» в колонии для малолетних, если он не исправится и не возьмется за ум. А Витя всего лишь не любил математику и обожал животных, прогуливал школу и бежал в зоопарк.

В школе, а затем и в колледже, у меня со всеми тоже были хорошие отношения. Я, вообще то, очень мирный человек. Во всяком случае, тогда я была именно такой. Я не любила спорить, всегда с помощью юмора, как папа Витя, сглаживала острые углы даже в чужих конфликтах. Я по наивности даже не знала, что вообще на свете существует зло, пока не увидела его собственными глазами в глазах девочки, похожих на бездонные колодцы, ведущие напрямик в ад.

Я никогда не забуду свою первую встречу с Настей. Мое воображение задолго до ее вторжения в нашу жизнь нарисовало образ несчастной девочки с грустными глазами. Я почему-то представляла ее светлоглазой и темноволосой, маленькой и хрупкой. В действительности, все было в точности до наоборот. Настя оказалось рослой девчонкой, выше меня ростом, несмотря на то, что была младше меня почти на три года. Она совсем не походила на несчастную заплаканную сироту, только что похоронившую свою мать. Ее обманчиво-милые круглые темно-карие глаза, прячась за длинными ресницами, с ненавистью исподтишка смотрели на мир, бросая ему безмолвный вызов. Странно смотрелись черные

ресницы и брови в сочетании с очень светлыми, почти белыми коротко стриженными волосами. Настя не красила волосы. Это был ее природный цвет.

Помню, увидев ее, я улыбнулась, мысленно заметив ее сходство с нашим белым хорьком Ненси. Сходство стало еще очевиднее, когда она улыбнулась в ответ, показав мелкие острые желтоватые зубки. Настя приехала с небольшим рюкзаком за плечами. Она сказала, что сумку с ее вещами украли в поезде. На следующий день папа Витя отвез ее с мамой в Москву, чтобы купить ей одежду и все, что нужно четырнадцатилетней девочке. Помню, как Настя удивленно вертела по сторонам головой, разглядывая этот новый для себя мир так, словно ее закинули на другую планету.

Настя с видом хищника, привезенного в новый зоопарк, осматривалась и приглядывалась к окружавшим ее людям. Она вначале мало говорила, больше смотрела и слушала, впитывая в себя полезную информацию. Никто тогда еще не знал, какой дикий план оккупации наших жизней зрел в ее голове. Настя умудряется превращать в пепел все, к чему прикасается. Она, как из огнемёта, спалила нашу семью, растерев в прах наше счастье. Мамы больше нет, папа в тюрьме, брат Кеша живет у чужих людей. Наверное, они требуют называть их папой и мамой. Как будто у него не было собственных родителей?! Очень надеюсь, что они хорошие и не обижают моего маленького братика. Благодаря Насте я сейчас заперта в психушке, где лечусь от наркозависимости. Хо-

рошо, хоть не в тюрьме, как папа Витя. Могло быть и хуже. Все! Слышу, идет медсестра со своими пилюльками. Потом я напишу, как все было дальше.

Маха закрыла тетрадь, ставшую ее дневником, и, спрятав ее под подушку, раздраженно подумала:

– Заколебала эта медсестра со своими колесами и наклеенной улыбочкой. Она же всех нас считает кончеными психами и ненавидит. Так я и стану глотать ту дрянь, которой нас здесь пичкают?!

II

Степан посмотрел на почти взрослую дочь Марию. Маха ему показалась похожей на толстолапного щенка, симпатичная и неуклюжая с матовыми карими глазками и забавной рыжей челкой над высоким лбом. Она, как и в детстве, ходила с веснушками на носу и ямочками на щечках. Маха выглядела именно так, как представлял ее себе отец, хотя и не видел дочь шесть лет.

– Не желает со мной знаться Маха, – вздохнул он. – Ладно! Пусть живет, как хочет. Она уже отвыкла от меня, а Кеша вообще, наверное, не помнит своего папку.

Степан обошел белый кирпичный коттедж, невольно прищипнув от восхищения.

– А сад то какой?! Наверное, гектара два земли. Не меньше! Чтоб так жить! – подумал он, поджав губы. – А, по сути, ведь не меньше половины всего этого куплено за мои деньги! Интересно, за сколько они продали мою московскую кварти-

ру? Я, дурак, сам виноват! Все оставил Нинке с детьми. Если я уйду от Полины, вообще стану бездомным. Сам виноват, идиот! Так мне и надо!

– Нина, как поживаешь? – спросил Степан скорчившуюся над клумбой к нему спиной бывшую жену.

Нина вздрогнула от звука его голоса и невольно выронила силиконовый горшок с рассадой. Она резко встала и повернулась лицом к носителю голоса всплывшего из прошлого призрака, растоптавшего ее любовь и разрушившего ее семью. Если бы не Виктор, она, наверное, одна не смогла бы справиться с отчаянием и растить детей. Нина смотрела на бесстыжее, улыбающееся лицо Степана и не могла оторвать от него взгляда.

– Степа отлично выглядит! Слегка поправился, но ему это даже к лицу, – невольно пронеслось у нее в голове. – Наверное, его жена хорошо заботится о муже. У него же еще двое сыновей! Может, если бы я ему родила сразу сына, он никуда бы от меня и не ушел?!

– Она как-то скукожилась вся, что ли?! – недоумевал Степан, глядя на бывшую жену. – Вроде выглядит так же, как и раньше, но словно из надувной куклы выпустили воздух.

– Я отлично живу, Степан! – нервно теребя стянутую с руки рабочую перчатку, произнесла Нина. – Чего это ты вдруг вспомнил о нас?! И как нашел нас?

Она усмехнулась, создав вокруг губ и глаз малоприятные веерки морщин, что сразу же заметил Степан, подумав:

– Моя Полина выглядит, как наливное яблочко, не то, что эта старуха! Вовремя я свалил от нее! А ведь ей всего тридцать восемь лет! Могла бы и ухаживать за собой! Ее новый муж, наверное, всеядное животное. Ему и такая сойдет!

Новый адрес его бывшей семьи дала Степану соседка, тетька Галя, увидев, как он безуспешно жмет на кнопку звонка своей прежней московской квартиры. Это было два месяца назад. Степан тогда поехал по данному соседкой адресу, издали, не выходя из такси, смотрел на дом, но так и не отважился зайти внутрь и встретиться взглядом с Ниной. Он тогда уехал, но сейчас у него прибавилось решимости и появилась конкретная цель.

– Ты даже не спросишь, как мои дела? – как бы обиженно, но, не переставая улыбаться, спросил Степан, проигнорировав вопросы Нины.

– А мне с некоторых пор безразлично, как у тебя дела. Мне на это наплевать, понимаешь? – хмуро ответила Нина, нервно покусывая губы.

– Нинок, ты все еще дуешься на меня? Ты же замужем, счастлива. Чего тебе еще надо, а? Твой Витя, похоже, нормальный мужик. Вон, какую домину прикупил! – сказал Степан, метнув завистливый взгляд в сторону двухэтажного коттеджа с красной черепичной крышей.

– Да, Виктор очень хороший человек и твоих детей любит как родных, – согласилась с бывшим Нина.

– А чего вы собственных не нарожали то? – с подленькой

ухмылочкой спросил Степан, отлично зная, что после выкидыша Нина не может больше иметь детей.

Нина стрельнула в него ненавидящим взглядом, но ничего не ответила.

– Да, ладно! Не обижайся, Нинок! Вечно я болтаю всякие глупости, – примирительно произнес Степан.

– Это точно! – вновь согласилась с ним Нина.

– Знаешь, я так скучаю по прежним временам, по тебе, детям и даже по твоей «фирменной» запеченной курице, – с деланной грустью предался ностальгии Степан. – Так что ты, Нинок, не сердись на меня, ладно?

– Степа, тебе что, с новой женой плохо живется? – удивилась Нина. – Что ты вообще сюда явился?

– Полина очень хорошая, но, к сожалению, она не ты, – вздохнул Степан, сделав неуверенный шаг навстречу Нине. – Нас в последнее время только дети и связывают. Мои маленькие разбойники просто чудо! Ты бы их видела!

Нина со смешанными чувствами обиды, ностальгии по былым счастливым временам с мужем и необъяснимым чувством трепета во всем теле молча стояла и ждала, что будет дальше. Степан приблизился к ней еще больше и осторожно заключил в свои объятия. Почти по-дружески.

– Не надо, Степа, – прошептала она, но Степан прекрасно видел, что она хочет совсем другое.

– Ее муж что, совсем ее не трахает? – мысленно усмехнулся он и, стараясь не смотреть на Нину, крепко ее поцеловал.

Нина, закрыв глаза от удовольствия и нахлынувших воспоминаний, вопреки здравому смыслу, страстно ответила на поцелуй бывшего мужа. Перед глазами, как в калейдоскопе, промелькнули все значимые события их совместной жизни: знакомство в Сочи; бурный курортный роман, продолжившийся до самой зимы; свадьба, на которой Степан подрался с ее бывшим бой-френдом, от чего стал еще большим героем в глазах невесты; рождение Махи; годы беззаботного счастья, мирно плывшего по почти незаметным волнам семенной жизни; рождение Кеши; последние три года застывшей в гипсе семейной жизни; и, наконец, неожиданный беспричинный уход Степана из семьи. Вот, собственно, вся жизнь и промелькнула перед глазами Нины. Уж ее лучшая часть, однозначно. И вот он, ее первая настоящая любовь, ее муж, с которым она была венчана в церкви, снова рядом, целует ее, хочет, а она тает от его присутствия, прикосновений, до боли родного запаха и не знает, как поступить.

– Нинок, а давай как в старые добрые времена... – с дразнящей улыбочкой предложил Степан и крепко прижался к ее бедрам. – Ты же хочешь. Я вижу.

– Но, Степа... Я не знаю... Мой Виктор, твоя жена... Как-то все это неправильно, – слабо сопротивлялась сама себе Нина.

– Глупости! Мы же женаты. Ну, были женаты, так что это не считается изменой, – уверенно заявил Степан, в душе умирая от смехотворности внутренних мучений своей лег-

коверной бывшей жены.

– О, Степа, ну зачем ты приехал?! – уцепившись руками за шею Степана, чтобы не упасть на дрожащих ногах, прохрипела Нина.

– Идем в дом. Идем! – предложил Степан, почти силой уводя Нину в сторону дома.

– Нет! – неожиданно взвизгнула она. – Там же дети!

– Заметь, наши дети, – сказал Степан, подхватив Нину на руки.

– Знаешь, в глубине сада есть беседка. Давай там... – предложила Нина.

– Степан понес ее на руках вглубь сада, думая:

– Охренеть! Да здесь все три гектара. Сад просто супер! Вот бы Лену с Настей сюда. Мне уже остахренела эта конура в Екатеринбурге! Как же здорово будет нам здесь жить! Вперед, Степа! Вперед! Ты сможешь! У нас все получится!

Он с Ниной на руках скрылся за стенкой беседки и, насилуя собственные чувства, ради достижения заветной цели, пылко, как во времена своей юности, ублажал стонущую от счастья Нину. Их никто не видел и не слышал. Почти никто. Маха видела все из окна и не могла понять, как мама смогла предать папу Витю. Она ничего ей не сказала, как и папе Вите, но стала холодна с матерью, без причины дерзила ей. Нина все списала на подростковые гормоны и перепады настроения. Она сама не хотела всерьез воспринимать все, что произошло в беседке их сада, но ее мысли снова и снова

возвращались к Степану, его мягким губами и чувственным объятиям. Нина все время прокручивала в голове странно обрушившиеся на их семью события, грозящие непонятными переменами. Степан, не выпуская ее из своих объятий, тогда, в беседе, сказал:

– Нинок, у вас такой большой дом, да еще и на природе. Просто загляденье!

– Да, Степа. Дом красивый и просторный. Витя от души постарался для семьи, – простодушно ответила она.

– Нинок, тут такое дело... – издали начал Степан, не решаясь напрямую выложить цель своего приезда.

– Что за дело? – насторожилась Нина.

– Ну, тут такое дело... Я тебе не говорил, что мой двоюродный брат Семен живет во Владивостоке? – прищурив глаза, спросил Степан. – Точнее, жил...

– Что-то не припомню, – не понимая, к чему он клонит, ответила Нина.

– Мы почти не общались. Старая история. Поссорились еще в юности из-за одной девчонки, – как бы между делом сказал Степан. – Так вот, Семен умер еще три года назад. У него остались жена с дочкой. Лена сейчас очень плоха. Я говорил с ней. Выглядит ужасно... Говорит, что и двух месяцев не протянет. Она так беспокоится за свою дочку Настеньку. Девочке всего четырнадцать лет, представляешь?! У них никого нет. Ее, скорее всего, упекут в детдом, – осторожно подбирая слова, чтобы не спугнуть бывшую жену, произнес

Степан.

– Бедная девочка! – с искренним сочувствием воскликнула Нина. – А что с ее матерью?

– Да, девочке не повезло. Считай, сирота. У Лены последняя стадия рака, – почему-то понизив голос, произнес Степан. – Я не знаю, как помочь ей. Ведь кровиночка же родная. Я бы ее взял к себе в Екатеринбург, но мы там и так вчетвером ютимся на тридцати квадратах.

– И никаких родственников, кроме тебя, у них нет? – спросила Нина, напряженно думая о том, чем можно помочь несчастной девочке.

– Абсолютно никого! Только бесполезный дядя, который ничем не может ей помочь, – виновато опустив глаза, произнес Степан, краем глаза наблюдая за реакцией Нины на свои слова.

Нина нахмурилась, напряженно размышляя, от чего стала еще менее привлекательной.

– Как я жил с ней столько лет?! Хотя раньше она была посимпатичнее, – подумал Степан, разглядывая поблекшее морщинистое лицо Нины. – Эти веснушки по всему лицу и медные пряди тусклых волос, зализанных на макушке и стянутых на затылке в пучок. Бр-р-р! Грудь впалая, задница плоская. Кошмар!

Степан невольно с отвращением передернул плечами.

– Я подумала, что мы с Виктором могли бы помочь бедной девочке, – нерешительно начала Нина. – Мне нужно погово-

ритель с мужем. Он приедет часа через два, а, может, и раньше.

– Эх, да чем вы сможете помочь?! Не возьмете же вы Настю в свою семью? – сокрушенно вздохнув, сказал Степан.

– Нет, я подумала, что у Виктора много знакомых. Может, кто-то из них сможет помочь? – неуверенно произнесла Нина.

– Что? Ты хочешь сплавить мою племянницу незнакомым людям?! – возмутился Степан. – А вдруг они какие-нибудь извращенцы или педофилы? Об этом ты не подумала? Тогда уж лучше пусть Настю отдадут в детдом! Честное слово, от тебя я такого не ожидал!

– Степан, не дави на меня! Я должна поговорить с Виктором. Приходи завтра с утра. Я тебе сообщу наше решение, – сказала Нина, посмотрев на него страшно серьезными глазами. – Ты ведь хочешь, чтобы мы взяли девочку к себе? Я правильно тебя поняла?

– Я не смел этого предложить... Но, раз ты сама сказала... Это стало бы спасением для бедняжки, – грустно улыбнулся Степан, в душе уже торжествуя победу. – У тебя по-прежнему большое доброе сердце, Нина! Ты удивительная женщина!

– Такая же доверчивая дурочка, какой была и раньше. Верит всему, что наплетешь, – мысленно усмехнулся Степан, сооротив такое лицо, словно он сейчас разрыдается от переизбытка чувств.

Степан с Ниной вышли из беседки и медленно пошли в

сторону дома. Он шел, угрюмо глядя на носки своих туфель, а Нина продолжала думать, некрасиво сморщив лоб.

– Степа, я постараюсь сделать все, что смогу для бедной девочки, – с полными слез глазами произнесла Нина, нежно взяв его за руку.

– Ну вот, сейчас заплачет! – с раздражением подумал Степан. – Аж губы дрожат и глаза уже на мокром месте. Неисправимая овца...

– Ладно, я завтра приду, – опустил глаза, грустно произнес он и поцеловал ее жилистую руку. – До завтра, дорогая!

Степан повернулся и медленно побрел в сторону ворот, ссутулив спину и наклонив вперед голову, как человек, на плечах которого большой груз нерешенных проблем. Нина с жалостью смотрела ему вслед, а Степан мысленно потешался над ее глупостью и доверчивостью. Его только беспокоил Виктор.

– Если мужик сумел заработать на такой дом, наверное, он не дурак. Станет он связываться с чужим ребенком?! Я бы послал куда подальше, но кто знает?! Может, и прокатит! – думал Степан, еще раз оценивающе взглянув на дом.

На следующий день Степан вернулся. Он поверить не мог своему везению и не переставал удивляться доверчивости и наивности окружающих.

– Этот Виктор оказался сущим болваном! – думал он, благодарно улыбаясь Нине.

Сердобольный ветеринар, как только Нина рассказала ему

о несчастной, практически осиротевшей девочке, решительно заявил:

– Мы не можем оставить в беде бедного ребенка! Пусть Степан едет за ней, а мы подготовим для нее место в доме. У Махи большая спальня. Если передвинуть мебель, у стены спокойно поместятся вторая кровать и маленький письменный столик. Думаю, девочки подружатся.

Сказано – сделано! Степан поехал во Владивосток за Настей, а Нина с Виктором занялись обустройством места для нового члена семьи. Почему-то при устоявшейся семейной традиции обсуждать и совместно решать любую мелкую проблему, в принятии важных решений Нина с Виктором совершенно игнорировали мнение детей. У них не спросили, хотят ли они уезжать из Москвы и жить в загородной тиши, теперь их снова не спросили, что они думают о появлении в их доме чужой девчонки. Маха только начала привыкать к жизни в загородном доме, радовалась, что у нее светлая просторная комната, а тут ее нужно будет делить с незнакомым человеком. Кеша тоже не слишком обрадовался новости, но его мнение никого не интересовало.

III

– Стеша, что, твоя бывшая так легко согласилась взять к себе Настюху? – переспросила Лена, целуя лежавшего рядом Степана. – Они реально повелись на весь этот бред про умирающую мамашу и несчастную сиротинушку? Ха-ха-ха!

– Угу! Кстати, для покойницы ты отлично выглядишь! –

рассмеялся в ответ Степан. – Представь себе, чуть не до слез растрогалась. Нина как была, так и осталась слезливой коро- вой. Добренький доктор Айболит Виктор ей под стать.

– Странные все-таки бывают люди. К счастью для нас, ко- нечно, – с усмешкой заметила Лена.

– Ты проинструктировала Настю? Она все поняла, что нужно делать и как себя правильно вести? – уже серьезно спросил Степан.

– А то?! Она, конечно, еще мелкая, но мозги у нее варят лучше, чем у многих взрослых. Она справится, не пережи- вай, – томно улыбнулась Лена, пробегая пальцами по груди Степана и дразня его короткими поцелуями.

– Да, моя Настюха башкавитая! Вся в меня, – довольно ухмыляясь, произнес Степан и, перевернув Лену на спину, навалился на нее всем телом.

Лена взвизгнула от неожиданности, обняв его руками и ногами. За пятнадцать лет их любовной связи эта женщи- на ни разу не разочаровала Степана. В постели страстная и гибкая, как кошка, а в жизни изворотливая и хитрая хищни- ца Лена дурачила своего простофилю мужа, изменяя ему со Степаном при каждом удобном случае. На протяжении этих бесконечно долгих пятнадцати лет Степан три-четыре раза в год приезжал во Владивосток специально, чтобы встретить- ся со своей возлюбленной. Он Лену знал с детства и втайне был влюблен в долговязую голубоглазую девчонку со смеш- ными рыжими косичками, торчащими в разные стороны, но

все испортили родители Степана, переехав в Москву. Как он не хотел уезжать из Владивостока!

Степан уже был женат на Нине, подрастала Маха, когда он вновь оказался в родном Владивостоке, приехав на похороны своей бабушки. Вот тогда он снова увидел Лену. Она была умопомрачительно красива в облегающем черном платье с разбросанными по плечам рыжевато-каштановыми кудрями. Степан заглянул в ее кристально-прозрачные глаза и понял, что всю жизнь хотел и искал именно эту женщину, свою первую детскую любовь Лену.

Оказывается, она его дальняя родственница по материнской линии. Лена была замужем, растила сына Виталика и не вспоминала о Степане, пока не увидела его снова. В его глазах было что-то очень знакомое из ушедшего навеки детства. Она помнила темноглазого мальчику с длинными, как у девчонки, ресницами, смотрящего на нее влюбленными глазами. Потом он куда-то исчез, и Лена благополучно забыла о его существовании. И вот теперь он снова здесь. Красивый, плечистый, и смотрит на нее с тем же умильным детским выражением восхищения и обожания в глазах. Ему не нужно было ничего говорить. За него все сказали его глаза.

Лена сама узнала, в какой гостинице остановился Степан и пришла к нему в номер. Степану стало неловко от того, что он стоит перед ней в одних шортах с обнаженным торсом, но ее это, похоже, нисколько не смутило. Они молча смотрели друг на друга, пока Лена первой не сделала шаг ему на-

встречу и не обвила руками его плечи. Никаких признаний, обещаний и прелюдий. Страстная волна беззвучно накрыла обоих. Они проникали друг другу в сердце долгими поцелуями, не в силах разомкнуть объятия. Затем Лена медленно стянула с плеч платье и оно чулком сползло на пол. Она стояла перед Степаном умопомрачительно сексуальная в полупрозрачном черном кружевном белье и блестящих черных туфлях на тонких высоких каблуках.

– Богиня... Восхитительна! Никогда не видел такой красивой женщины, – пронеслось в затуманенной страстью голове Степана.

Он не мог шевельнуться с места, замороженный ее грациозной красотой. Лена с загадочной улыбкой всем телом прильнула к Степану, лаская тонкими пальцами его лицо и шею, а затем запустила их в его густую темную шевелюру. У Степана от этой женщины дух захватывало. От нее завораживающе сладко пахло дорогими духами и табаком. Голова Степана закружилась от желания обладать Леной. Он, обхватив ее за талию, приподнял над землей и закружил, как в танце. В ответ Лена тихонько рассмеялась. Затем, не выпуская ее из рук, он мягко прилег на кровать, усадив ее сверху. Степан хотел любоваться ее красотой, не упустить ни одного мгновения, чтобы навсегда запечатлеть в памяти каждый кадр их любви. Лена скользила вверх-вниз и, казалось, в следующее мгновение навсегда улетит навстречу солнцу, но каждый раз возвращалась на землю, пока с легким криком в изнеможе-

нии не упала ему на грудь. Такого блаженства Степан не испытывал ни с одной женщиной. Он понял, что любит Лену и это не мимолетная страсть, а настоящая любовь, которую он готов был пронести на протяжении всей своей жизни.

– О, Стеша, наверное, я тебя ждала всю жизнь, – прошептала Лена, растянувшись в объятиях Степана.

Для него это имя звучало, как музыка детства. Стешей его называла только мама. Потом ее не стало, и никто Степана больше так не называл. Он нежно поцеловал Лену, прижав к себе еще крепче.

– Я люблю тебя, – признался Степан в их следующую встречу. – Лена, ты невероятная женщина. Я это понял, как только увидел тебя тогда, на кладбище. Нет, я знал это всю жизнь, с детства.

В ответ Лена рассмеялась нежным, журчащим смехом и поцеловала его, но ответного признания не последовало. Для Лены Степан был не просто напоминанием о детстве и страстным любовником. Ей больше всего хотелось уехать с Дальнего Востока и жить в столице. Она мертвой хваткой уцепилась за своего пылкого Стешу, надеясь, что рано или поздно он перевезет ее в Москву. Ее нисколько не смущало то обстоятельство, что у него семья, как и у нее самой. Если бы Стеша ее поманил, она не раздумывая, бросила бы мужа с сыном, но в планы Степана пока не входило расставаться с Ниной. Он по возможности вырывался на пару дней к своей возлюбленной и следующие несколько месяцев жил воспо-

минаниями об их незабываемой страсти.

– Стеша, я на четвертом месяце. Это твой ребенок, я точно знаю, – заявила Лена в один из его приездов.

Степан не знал, радоваться ему или бить тревогу. У него уже есть дочь. Что-либо менять было уже поздно. Лена хотела оставить его ребенка. Ну что же? Это ее решение. Маленькая Настя родилась странным существом с огромными глазами и белым пушком вместо волос. Еще удивительнее было то, что цвет ее волос с годами не изменился. Степан припоминал, что его прабабка Прасковья выглядела примерно также. Про нее в деревне всякое болтали. Говорили, что она ведьма, водит дружбу с нечистой силой, знает силу трав и магию заговоров. Ему в детстве что-то такое рассказывала его бабушка. Она говорила, что у них в роду черный дар передается только девочкам, причем через поколение. У бабушки Веры никаких магических способностей не было. Дочерей она не родила, значит, дочери Степана являются наследницами прабабушкиного магического дара?!

Степан невольно рассмеялся, вспомнив веселую, жизнерадостную Маху. Никаких сверхспособностей она пока точно не проявляла, и, скорее всего, это вообще не ее тема, а вот Настя даже внешне была похожа на героиню какой-то страшной сказки. Степан не особо верил во все эти рассказы, но что-то его настораживало и сжималось в сердце, когда маленькая Настя пристально смотрела ему в глаза своими бездонными темными глазками. Казалось, она проникает

в его мысли и видит насквозь. Как-то раз она спросила его:

– Почему ты не живешь с нами? Ты ведь мой папа?

Степан честно растерялся и не знал, что ответить своей необычной дочурке. Тогда на помощь пришла Лена.

– Ну, что такое ты говоришь, Настя?! Твоего папу зовут Семен Николаевич, а дядя Степан наш дальний родственник. Ты уже большая и должна запоминать такие вещи, – сказала она, строго посмотрев на дочь.

– Как скажешь, мамочка, – лукаво улыбнулась Настя, но было видно, что она осталась при своем мнении.

Степан всю жизнь проработал геологом. Он не был привязан к своему НИИ, много разъезжал по стране, отправлялся в научные экспедиции, исследовал горные породы в поисках драгоценных камней и ценных металлов. Он часто бывал в командировках и, не вызывая подозрения семьи, мог на несколько дней заехать во Владивосток. Была бы его воля, он бы вернулся в родной город, чтобы всегда быть возле Лены.

Что касается Лены, она не утратила свои честолюбивые мечты жить в Москве, но бросать вполне обеспеченного мужа ради возлюбленного с пустыми карманами точно не собиралась. Степан понял, что ради него Лена ничего не изменит в своей жизни. Пятидесятидвухлетний Семен Пермяков обеспечивал ей комфортное существование. Он, наконец, пошел на повышение, стал руководителем крупного подразделения торговой компании, купил новую просторную квартиру в центре города. В общем, все было слишком хорошо,

чтобы Лене захотелось перемен. Да и что мог предложить Лене Степан? Он и сам понимал, что Лену с ним не связывает ничего, кроме умопомрачительного секса.

Степан, напротив, очень хотел перемен. В какой-то момент он понял, что больше не может жить с Ниной. Он даже не мог точно сказать, когда именно произошла эта перемена, но как женщина Нина стала ему ненавистна. Даже рождение долгожданного сына не смогло его убедить в обратном. За одиннадцать лет совместной жизни Степан с Ниной ни разу не поссорились, но все чувства Степана к жене померкли и стали такими же блеклыми, как ее стареющее лицо. Нина его выводила из себя своим нелепым сентиментальным благородством, во всем видя только позитив и приписывая окружающим людям душевное благородство и несуществующие достоинства. Его это просто бесило. Она глупая? Вроде как, нет, но он не понимал, как человек может быть до такой степени близоруким. Она и детей растила такими же наивными и далекими от действительности.

– Тяжело им в жизни придется с таким подходом к жизни, – думал Степан, глядя на беспечную хохотушку Маху.

Одна из поездок в Екатеринбург перевернула всю его жизнь. Степан встретил Полину. Девушка училась на геолога в университете, а его попросили провести встречу со студентами, поделиться практическим опытом, рассказать пару увлекательных историй из жизни искателей даров земли. Он сразу же заметил Полину. Маленькая изящная голубоглазая

брюнетка выглядела очень юно, но ее лицо было не по-детски серьезно. Она задавала вопросы, живо интересовалась его рассказами о сделанных находках. В ее глазах светился живой ум, да и сама она была очень привлекательной девушкой. Как говорится, все при ней. И лицо, и фигура. Ничем Бог не обидел. В общем, Степан был просто очарован своей новой знакомой. Он продолжил беседу с ней, рассуждая на высокие темы, а также рассказывая забавные случаи из своих многочисленных экспедиций. У Полины оказалось тонкое чувство юмора, она остроумно шутила и манила его, влекла к себе, как магнит притягивает железную руду.

Степан проводил Полину до дома и самым нахальным образом напросился на чай. Полина познакомила своего нового знакомого с родителями. Отец был точно не в восторге от мужика, почти своего ровесника, к тому же женатого и с двумя детьми, увивающегося за его девятнадцатилетней дочерью. Мама спокойнее восприняла нового друга Полины. Степан был видным мужчиной. Таких женщины всегда замечают.

Через два месяца Степан снова оказался в Екатеринбурге и на сей раз, он действовал намного решительнее. Он дарил Полине цветы и шоколадки, как юный студент, гулял с ней за ручку по городу и целовал в подворотнях. Голубыми глазами Полина немного напоминала Степану его любимую Лену. Степана, как взрослого мужчину, естественно, не устраивала платоническая любовь с юной красавицей. Он решил,

что пора выводить конфетно-букетный период на новый уровень. Степан пригласил Полину к себе в гостиничный номер и она, к его радости, сразу же согласилась. Ему нравилось, что она не ломается и не жеманничает. Было очевидно, что девушка не меньше его желает того же самого. До Степана у Полины был какой-то горе-любовник, который, похоже, совершенно не внушил ей интереса к сексуальной стороне отношений. Степану героически пришлось исправлять чужие ошибки, развивая чувственность в девушке, которая, судя по всему, до недавнего времени всерьез не задумывалась о любви.

– Полина, крошка, ты такая красивая, но ты как не ограненный алмаз, – поэтично заявил он, занимаясь с ней любовью. – Я хочу, чтобы ты засияла блеском прекрасного бриллианта.

Полина была хорошей ученицей и делала немалые успехи в постижении искусства любви, но для нее все равно приоритетными интересами оставались учеба, фанатичное увлечение геологией, ее друзья, с которыми Степану было скучно общаться, а еще она играла на гитаре в одном из клубов. Степан так и не смог ее отговорить от этого увлечения. Полина точно была не из тех женщин, которые растворяются в мужчине, любви и семье. Такие гордые и независимые женщины никому не позволяют надевать на себя поводок, но способны на нежные преданные чувства к своему избраннику. Для Полины отношения с мужчиной являлись лишь одной

из граней бытия, необходимой, очень важной, но не жизнеобразующей. Степану такой расклад, разумеется, был не по душе, но ему пришлось смириться и принимать Полину такой, какая она есть. Он также видел, что девушка по-своему, насколько может, его очень даже любит. Степан решился. Решился на революционные перемены в своей жизни.

Отец Полины, археолог, профессор, Александр Сергеевич Зарин, с самого начала неодобрительно относился к их отношениям. Он не выдержал и потребовал от Степана, чтобы тот немедленно оставил его дочь в покое и не морочил девушке голову.

– Но, я, кажется, люблю Полину, а она отвечает мне взаимностью, – ответил Степан, немного смущенный агрессивным тоном отца Полины.

– По-вашему, это оправдывает семейного человека, бесовестно совращающего юную девушку. Полина слишком пылкая, она не знает жизнь и еще не встречалась с такими подлецами, как вы! Немедленно уезжайте! Возвращайтесь в свою Москву и забудьте сюда дорогу! – кричал возмущенный Александр Сергеевич.

– А если я брошу все и перееду в Екатеринбург? Я не хочу расставаться с Полиной! Я женюсь на ней! – страстно воскликнул Степан.

– Что?! Вы бросите семью, двоих детей?! По-вашему, я желаю, чтобы моя единственная дочь вышла за предателя?! – возмутился еще больше отец Полины. – Знаю я таких, как

вы! Пройдет несколько лет, вы встретите очередную девятнадцатилетнюю девочку и снова бросите свою семью?!

Степан понял, что с будущим тестем дружных посиделок по праздникам точно не будет. Тут в разговор вмешалась Полина. Со слезами на глазах она бросилась на шею отцу, воскликнув:

– Папа, я люблю Степана и выйду за него замуж. Ты не можешь мешать моему счастью!

– Тоже мне, счастье, – пробурчал он в ответ.

Как и пообещал Полине, Степан ушел из семьи, оставив Нине и детям квартиру своих родителей. Он устроился научным сотрудником в университетскую лабораторию Екатеринбург, женился на Полине и, пока не раскрутится, жил с молодой женой на съемной квартире. Ему было тридцать шесть лет, а он с пустыми карманами начинал новую жизнь в незнакомом уральском городе, на который променял Москву из любви к молодой жене. Но он ни о чем не жалел.

Степан по-прежнему приезжал во Владивосток к Лене с Настей. Было что-то в этой беловолосой девчонке завораживающее.

– Наверное, колдовская душа прабабки действительно вернулась на землю в ее облике, – подумал он, хотя и не верил во все потустороннее.

Но иначе нельзя было объяснить ее странные слова. Например, в одну из встреч с дядей Степаном, Настя спросила:

– Дядя Стеша, ты как назовешь своего сына?

– Ха-ха-ха! У меня в Москве есть сын Кеша, а другого сына у меня нет. Настюха, вот ты фантазерка! – рассмеялся тогда Степан, но ему стало не до смеха, когда, вернувшись в Екатеринбург, он услышал от Полины потрясающую новость, что она ждет ребенка.

А, спустя некоторое время выяснилось, что это мальчик. Его назвали Петром. Бабушка Полины отдала молодой семье свою маленькую двушку, а сама уехала в деревню к сестре. Вот так и жил Степан с молодой женой и сыном в тесной квартире на окраине утопающего в снегах города. Через два года родился второй сын, Рома. Степан старался не вспоминать Москву, Нину, детей. Его новая жизнь постепенно налаживалась.

Так прошло шесть лет. За это время муж Лены умер от инсульта, оставив ее с двумя детьми практически без средств к существованию. Ей пришлось продать большую квартиру в центре города и переселиться в более скромную трешку. Оставшиеся деньги песком просочились сквозь пальцы, и она вновь оказалась на грани нищеты. Лена работала медсестрой в местной больнице.

– Зарплата не ахти, хотя можно подработать, измеряя соседским бабушкам давление, делая им уколы или массаж, – вздохнула она, рассказывая о своей жизни Степану. – Насте здесь плохо. Ей бы в Москву. У меня нет денег учить ее. Вот закончит она девятилетку, а что потом? Какое-нибудь училище и беспросветная жизнь в провинции, как у меня? Я хо-

чу для нее лучшей доли.

Степан хотел бы помочь любимой женщине и дочери, но не представлял, как. Он оставил Лену с тяжелым сердцем, размышляя, что может сделать для них с Настей. Через месяц он снова был во Владивостоке.

– Ты приехал! Стеша, миленький! – воскликнула Лена, бросаясь ему на шею и пылко целуя его.

Степан заметил, что после смерти мужа, Лена стала с ним более нежной и старательно намекала ему, что не будь между ними препятствия в виде его семьи, они были бы безгранично счастливы вместе. Лена хорошо знала, какие струны души и тела нужно задеть, чтобы влюбленный мужчина растаял в ее объятиях, готовый на любое безумство ради новой встречи с возлюбленной. Она морочила голову Степану, ловко манипулируя им с помощью секса. Лена, несмотря на свой возраст, оставалась по-прежнему красивой и очень сексуальной. В постели она вытворяла такое, что Степан захлебывался от наслаждения. Ее смелые ласки и нежные вздохи сводили его с ума. Куда было более молодой, увлеченной наукой Полине тягаться с умудренной многогранным опытом во всех проявлениях чувственной любви сорокалетней женщиной?!

Лена всегда четко знала, что ей нужно и кто может ей дать то, что она хочет. Она, как закаленный на любовных фронтах генерал, разработала целую военную стратегию ради достижения своей цели. А цель оставалась прежней – Москва.

– Любой ценой нужно переехать в столицу. Но как? Де-

нег на жизнь едва хватает. Стеша так и не сумел разбогатеть и ничем помочь мне не может. Да и где ему было набивать деньгами карманы? В своем НИИ что ли?! – пренебрежительно скривилась Лена, размышляя об их с дочерью будущем. – Единственное, что может Степан, это помочь устроиться в Москве Насте. Хорошо, хоть о сыне можно не беспокоиться.

Виталик после окончания школы пошел в мореходку. Он с детства болел морем, вот и пошел служить на флот после ее окончания. Лена поделилась своими планами со Степаном.

– Стеша, а твоя бывшая, ты говорил, вся такая добренькая и безотказная. Может, она и нас с Настюхой приютит?! – цинично пошутила Лена, не переставая ласкать обалдевшего от удовольствия Степана.

– Ну, не знаю на счет тебя, а вот с Настей можно попробовать, – чередуя слова со стонами, с трудом произнес Степан.

– Что, правда? Ты готов попробовать ради счастья дочери? – спросила Лена, притормозив.

– О, продолжай, умоляю! – прошептал Степан, изнывая от желания. – Я сделаю все, что смогу, обещаю! Только продолжай!

– Помнится, ты говорил, что она переехала в большой загородный дом. Там ведь много места? – не унималась Лена, уже представляя себя живущей в прекрасном подмосковном доме среди цветов и деревьев.

– Не знаю, наверное. Я только издали видел их дом, – про-

хрипел Степан. – Иди сюда, любимая!

– Стеша, но разве это и не твой дом тоже? Хотя бы часть дома тебе принадлежит по праву. Они ведь продали твою квартиру, чтобы купить этот дом! Разве я не права? – спросила Лена, чередуя вопросы с ласками.

– Да, но... – промычал плохо соображающий в этот момент Степан.

– Что, но, милый?! Я знаю, ты все им отдал. И что? Твои дети даже не хотят с тобой разговаривать. Разве не так? – спросила Лена, снова остановившись.

– О-о-о! Леночка, умоляю... – простонал Степан. – Ты абсолютно права, но что я могу сделать?

– Мы просто обязаны восстановить справедливость!! Я хочу тебя... постоянно видеть рядом и не желаю ни с кем делить. Слышишь?! – промурлыкала Лена, выгнув спину, и взобралась на него, заставив застонать от блаженства. – Мы должны жить втроем! Ты, я и наша дочка, Настенька. И мы должны жить в Москве! Ты согласен?!

– О, да-а-а! Ты нереальная женщина! – задыхаясь от счастья, прошептал Степан. – Я люблю тебя!

Лена в ответ лишь довольно улыбнулась. Она никогда не говорила ему о своей любви, но Степан верил, что Лена его любит также сильно, как и он ее. Иначе их страсть не пережила бы испытание временем и расстоянием. Она была его персональной богиней любви. Он обожал ее запах, ощущение бархатистой кожи под пальцами и тяжелые кудрявые ло-

коны, бьющие его по лицу в разгар их страсти.

– Вот бы проводить с ней каждую ночь, а не украденные у семьи часы счастья! – думал Степан, возвращаясь в Екатеринбург.

Полина встретила его на вокзале. Она очень милая и красивая, прекрасно заботится о сыновьях, умудряясь сочетать работу в университете с учебой в аспирантуре и нескончаемой чередой домашних дел. Как ей это удается?! Степан не хотел обижать Полину, разбивать ей сердце, да и своих шумных пацанов он очень полюбил. Но неповторимый секс с Леной продолжал туманить ему голову, снова и снова возвращая во Владивосток и бросая в ее хищные объятия. Она творила с ним все, что ей заблагорассудится. Наверное, если бы Лена потребовала убить жену и детей, он ради наслаждения быть с нею, лично бы их расчленил и рассовал по мусорным пакетам. Но Лена не была кровожадной без уважительных на то причин. Она всего лишь хотела с комфортом обустроиться в Москве и обеспечить безбедное будущее себе и дочери. Вообще то, все надежды на реализацию своего плана покорения столицы она возлагала на четырнадцатилетнюю Настю. Степан должен был лишь ввести Настю в семью своей бывшей. А дальше Настя все сделает сама. С такой дочерью не пропадешь!

– Были бы у меня такие способности, я бы давно жила, как королева! – подумала Лена, вместе с Настей провожая Степана в аэропорт. – Как будто ее отец не Стеша, а сам Дьявол!

Степан поехал в Москву поговорить с бывшей женой. Лена нервно курила в ожидании новостей. Наконец довольный собой Степан позвонил ей.

– Пакуй Настюхины вещички! – победно рапортовал он. – Нина с Виктором позаботятся о нашей несчастной «сиротке». Это вопрос решенный. Ну что, довольна?!

– Вот так новость! Я знала, что у нас все получится! – обрадовано воскликнула Лена. – Я люблю тебя, Стеша! Слышишь, люблю! Приезжай поскорее! Я так скучаю по тебе!

Впервые за все пятнадцать лет их связи Степан услышал от нее признание в любви. Ради этого стоило даже потерпеть общение с бывшей. Степан полетел к Лене на крыльях любви, ничуть не задумываясь над тем, чем может закончиться появление Насти в семье Нины и как это отразится на Махе с Кешей.

IV

– Здравсьте! – почти робко произнесла Настя, очутившись лицом к лицу с Ниной и Виктором.

Маха в это время была на занятиях в колледже, а Кеша в школе. Настя стояла перед ними в коротенькой красной клетчатой юбочке в складочку и белой рубашке с подвернутыми до локтей рукавами. Джинсовую курточку она сняла и держала в руках. Несмотря на начало сентября, было тепло, как летом. Нина с Виктором увидели лишь то, что хотели видеть. Перед ними стояла такая тихая, робкая и как будто немного испуганная произошедшими в ее жизни перемена-

ми девчушка с печальными темными глазами и кукольно-белыми пушистыми короткими волосиками. Она была похожа на героиню аниме с большой головой, громадными глазами и изящным девичьим телом. За спиной маленький рюкзачок и никаких вещей.

– Представляешь, мы зазевались и у нас украли в поезде сумку со всеми вещами Насти, – сказал Степан, слегка подтолкнув Настю.

– Да, украли все, что я взяла с собой. У меня даже зубной щетки не осталось, – обиженно опустив глаза и надув губки, произнесла Настя, вспомнив, какой закатила скандал матери, наотрез оказавшись брать с собой надоевшие ей стреленные шмотки с китайского вещевого рынка.

– Бедный ребенок, – воскликнула сердобольная Нина.

– Не беда! Завтра же поедем в Москву и купим все, что нужно, – решительно успокоил ее Виктор.

– Молодец ветеринар! В жизни не видел такого простачка! Как он сумел поднять свое дело с такой идиотской доверчивостью, – недоумевал Степан, глядя на просветленное улыбающееся лицо Виктора.

– Спасибо! – благодарно улыбнулась Настя. – Дядя Степан говорил, что вы очень хорошие, добрые люди. Я вижу, что это правда.

Настя с любопытством разглядывала физиономии Нины и Виктора, теряясь в догадках, кто из них более уродлив – бледная веснушчатая Нина с редкими зализанными волоса-

ми медного цвета, сквозь которые просвечивалась белая кожа, или Виктор с его кривыми зубами, лошадиной улыбкой и блестящей лысиной. Она улыбнулась собственным мыслям.

– Какая симпатичная и милая девочка, – невольно произнесла мысли вслух Нина.

– Да, – согласился с ней немногословный Виктор. – Симпатичная девочка.

К незнакомке подбежала Жужа, обошла Настю, обнюхала и злобно зарычала. Виктор удивленно смотрел на свою любимицу. Более доброй собаки он в жизни не видел, да и к чужим людям она относилась спокойно, даже позволяла себя гладить.

– Жужа, что с тобой?! – воскликнул Виктор, отгоняя собаку от Насти.

– Я не боюсь собак, – улыбнулась Настя и хотела погладить Жужу по голове, но та ее больно укусила за руку.

– Жужа, да что с тобой?! – закричал Виктор. – Ты что, взбесилась?

Испуганная гневом любимого хозяина Жужа, поджав хвост, убежала в сад.

– Эта тварь поплатится за то, что сделала, – приговорила Жужу к неминуемой гибели Настя, потирая руку с двумя кровоточащими дырочками от зубов собаки.

– Пойдем, я обработаю ранку, а затем покажу тебе твою комнату. Твою и Махи, – сказала Нина, обнимая Настю и под руку зайдя с ней в дом.

– Маха? Это ваша кошка? – задала наивный вопрос Настя, картинно похлопав ресницами, хотя в дороге Степан ей говорил, что так зовут его дочь.

– Нет, Маха, моя дочь Мария, – рассмеялась Нина. – Она сейчас в колледже. Приедет часа через два, наверно. А ее брат Кеша сейчас в школе. Скоро вы познакомитесь.

– Прямо не терпится их увидеть. О, у вас чудесный дом! – восхищенно воскликнула Настя.

– Спасибо! Это все Виктор, – добродушно улыбнулась Нина. – Бедная моя девочка! Твоя мама умерла и сейчас на Небе. Мы о тебе позаботимся. Теперь это и твой дом.

Нина обняла Настю, а та изобразила всхлипывание несчастной сироты, несколько дней назад похоронившей маму. В это время Степан с Виктором разговаривали, стоя перед домом.

– Бедняжка! Она после похорон матери сама не своя, – с сочувствием произнес Степан, когда они с Виктором остались наедине. – Какая жалось! Ее мама была такой красавицей в молодости. Такая потеря... И так безвременно...

Степан прикрыл рукой лицо, словно собрался зарыдать. Он побоялся, что Виктор заметит его едва сдерживаемый смех. Степан вспомнил наполненную негой любви и горячими поцелуями ночь любви, проведенную с «покойной» Леной накануне его с Настей вылета в Москву.

– Вы уж будьте с Настюхой терпеливы. Вдруг у нее нервный срыв. Подумать только, столько стресса на девочку на-

валилось. Ах! Бедная Лена! – вздохнул он, фамильярно положив руку на плечо Виктора. – Спасибо друг, что решил помочь моей племяннице. Ты настоящий мужик! Вот это поступок! Я не знаю, как и благодарить тебя, Витя!

– Да, что уж там... Так на моем месте, наверное, поступил бы любой нормальный человек, – скромно произнес Виктор.

Он тепло попрощался за руку со Степаном и вслед за женой с девочкой, зашел в дом. Степан поверить не мог, что все получилось в точности, как планировали они с Леной. Настя будет жить в этом чудесном доме, учиться в Москве и, наверняка, сумеет здесь обосноваться. Он верил в свою дочь.

– Может, еще и маму перетащит в Москву. Вот было бы здорово! В этот Владивосток у черта на рогах не наездишься! – думал он, потирая руки.

Настя активно обживалась на новом месте. Она с нетерпением ждала знакомства с Махой и Кешей – своими главными противниками и конкурентами в борьбе за место под солнцем.

Маха, по мнению Насти, оказалась нереальной простушкой.

– Неужели в Москве бывают такие отсталые девчонки? – недоумевала Настя. – Рыжая, конопатая, с конским хвостиком и дурацкой челкой. У бабушки в деревне, и то девчонки выглядят круче! А одевается как стремно?! Косметикой совсем не пользуется. Копия своей рыжей мамыши, только все время ржет, как идиотка.

– Я рада с тобой познакомится, – произнесла Маха, изучая стоявшую перед ней Настю. – Мама тебе уже показала нашу комнату?

– Чему это ты радуешься?! А, вообще, радуйся, пока можешь! Недолго тебе осталось! – мысленно хмыкнула Настя, сказав с грустной улыбкой на лице:

– Да, я тоже рада! Маха, у тебя офигенная комната! Мне очень понравилась. Надеюсь, я не очень стесню тебя. А тетя Нина с дядей Витей такие добрые и заботливые! Тебе повезло с родителями! А вот мои...

Можно было подумать, что она сейчас расплечется. Настя казалась очень несчастной и одинокой, но Маха почему-то подумала, что она слишком театрально переживает по поводу смерти родителей. Интуиция многих поколений ведающих женщин в ее роду подсказала, что Настя просто дурочит всех вокруг, изображая из себя убитую горем сироту. Но что этому созданию нужно на самом деле? Маха настороженно смотрела на Настю. Та, в свою очередь, действительно унаследовав некоторые способности от старой ведьмы, своей прапрабабки, увидела, что Маха не так уж и проста. Она с досадой смотрела на эту шестнадцатилетнюю девчонку, не понимая, как при таком наивном восприятии жизни Маха могла разглядеть в ней что-то особенное, шокирующее и настораживающее, уводящее в глубину веков. В дверном проеме возникла Нина.

– Девочки, идемте обедать. Мы и так припозднились, –

сказала она, с удовольствием заметив, что Маха дружелюбно встретила несчастную Настю.

Она в глубине души боялась, что ее дочь станет ревновать родителей к другой девочке, но у Махи такое доброе сердце! Кеша исподлобья поглядывал на Настю. Она ему просто не понравилась. Он продемонстрировал это за обедом, швырнув в нее шарик из хлеба.

– Вот мелкий засранец! – подумала Настя, метнув в него злобный взгляд. – Ты у меня еще попляшешь, мелкий рыжий пакостник! Сам напросился.

Она с детства слышала мысли людей и могла странным образом внушать людям то, что ей было нужно. Ее никогда не спрашивали в школе учителя, если она не сделала домашку, не наказывали дома за мелкие шалости, стоило ей обворожительно улыбнуться и заглянуть в глаза простодушному дядьке, которого она называла папой, или строгой матери. В школе как-то раз одна девочка из ее класса говорила о ней за спиной всякие гадости. Бедняжка не знала, с кем связалась! Настя ничего ей не сказала, только пристально посмотрела в глаза, а, возвращаясь домой, любительница посплетничать на ровном месте упала и сломала ногу. Это она еще хорошо отделалась!

Настя росла, а ее необычные способности с каждым годом расцветали и крепились. Этим летом она начала встречаться с одним парнем. Жене было девятнадцать и он настороженно относился к малолетке, увлекающей его в свои объ-

ятия. Но разве мог кто-нибудь противостоять желаниям Насти или стоять у нее на пути?! Настя решила открыть для себя, что значит любовь. Под любовью она, конечно же, понимала секс, а не романтические прогулки за ручку с возлюбленным и нежные поцелуи под луной. Женя открыл ей ранее неизвестную сторону человеческих взаимоотношений. Насте стало любопытно узнать, в чем причина восторга окружающих и всей этой шумихи вокруг секса. В первый раз ей не очень понравилось. Она еще несколько раз была близка с Женей, но он так и не произвел на нее ожидаемого впечатления. Насте он вскоре надоел и она, шантажируя его и угрожая отправить в тюрьму за соращение малолетней, потребовала щедрую денежную компенсацию. Вот тогда ее мама поняла, что с такой дочерью не пропадешь. Полученных денег хватило не только на то, чтобы расплатиться со всеми долгами и кредитами, но еще и осталось на покупку дорогого смартфона Насте.

Все остальное Насте купили Виктор с Ниной. Настя выбирала дорогую одежду кричащих цветов и ей покупали все, что она пожелает.

– Может, и Махе что-нибудь купим? – предложил Виктор.

– У Махи все есть. Нечего ее баловать! – строго ответила Нина.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Виктор.

Настя торжествовала! Эти глупцы сделают все, что она потребует, стоит ей лишь очаровательно улыбнуться и при-

стально посмотреть им в глаза. Теперь маленький хищник оказался в новой экосреде и все, что от него требовалось, это расправиться с местными обитателями, чтобы вместе с мамой, на законных основаниях поселиться в этом чудесном доме из белого кирпича под красной крышей. Настю бесило только одно обстоятельство – то, что ее чары никак не действовали ни на Маху, ни на Кешу. Наверное, сказывалось родство со старой ведьмой, их общей прапрабабкой Прасковьей. Настя не сомневалась в том, что одержит победу. Куда им до нее?!

Настя по опыту знала, что в первую очередь необходимо перессорить между собой всех членов семьи. Как говорится, разделяй и властвуй! В одиночку все они беззащитны. Первой мишенью Насти стал агрессивно к ней настроенный Кеша. Настя часто заходила в его комнату, пока Кеша не было дома. Никому в семье не пришло в голову устанавливать в комнатах замки. Настя сказала Нине, что ей очень нравится играть с хорьком Ненси и это были, пожалуй, ее единственные правдивые слова со времени появления в этом доме. Через несколько дней общения с Настей попугай Даня научился матерным словам, а также истерично кричал:

– Предки дебилы! Дебилы!

– Кешенька, ты правда, считаешь нас с папой дебилами?! – со слезами на глазах спросила Нина. – Как же так?!

– Ты меня очень огорчил и разочаровал, Кеша! – строго произнес Виктор.

– Но, мамочка, я не учил Даню таким словам! Вы с папой не дебилы! Это все Настя! Это она научила Даню плохим словам! Она очень злая, – пытался докричаться до родителей Кеша, но все было безуспешно.

Мама с папой, как загипнотизированные, во всем потакавали Насте, готовые растерзать собственных детей, если те смели хоть слово сказать против несчастной «сиротки». Настя полностью подчинила своей воле Нину и Виктора. Маха не понимала, как это Насте удастся, но она видела произошедшую с родителями перемену. Ее с Кешей постоянно за что-то ругали, а Настей открыто восхищались. Настя пошла в школу и Виктор каждый день отвозил ее в город вместе с Кешей и Махой. Она хорошо училась, хотя Маха почти не видела ее за учебниками. Стоило Насте раз прочитать любой текст или услышать какую-то информацию, она запоминала ее слово в слово.

– У меня фотографическая память, – самодовольно заявляла Настя. – Это такие примитивные зубрилки, как ты, полдня делают домашку!

С каждым днем атмосфера в семье Махи нагнеталась все больше. Нина с Виктором стали цапаться из-за пустяков вроде пересоленного супа или недостаточно тонко нарезанных ломтиков лимона, хотя раньше никогда не ссорились. Единственное, что их теперь объединяло, это то, что все свое раздражение они выплескивали на своих детей, а Насте не смели слова сказать или упрекнуть ее в чем-либо. Даже когда

Виктор застал ее с сигаретой в руках, тайком курившей в саду, Настя выкрутилась, сказав, что это Маха ее угостила. В результате, естественно, досталось Махе, которая в жизни не курила и даже никогда не пробовала.

Маха как-то раз увидела, как Настя делает себе укол под ноготь большого пальца ноги. Она затем, закатив глаза, и упала на кровать и долго неподвижно лежала с открытыми глазами и выражением необъяснимого блаженства на лице.

– Настя, что с тобой? – пыталась растормошить ее испугавшаяся Маха.

Через пару часов Настя пришла в себя. Она села на кровати и потянувшись, томно произнесла:

– Ты не представляешь, какой это кайф! Ни боли, ни страха и никаких воспоминаний. Ты просто улетаешь в небо к звездам...

– Это что, наркотики?! – испуганно спросила Маха.

– Нет, витамины! Конечно наркотики, дуреха! – воскликнула Настя, громко рассмеявшись. – Хочешь попробовать?

– Нет! Что ты?! – отпрянула от нее Маха.

– Ну и дурочка! – огрызнулась Настя. – Ты такая отсталая и закомплексованная...

– А почему ты сделала укол в ногу, под ноготь? – даже не обидевшись за «дурочку», спросила Маха.

– Нет, ты точно отсталая! Чтобы следов не осталось! Зачем же еще? Нас в школе каждую неделю заставляют руки показывать, – сказала Настя, хитро ухмыляясь. – Нет, я тебе

поражаюсь, Маха! Вообще, ты с какой планеты?!

– Но, это же плохо?! Так нельзя, Настя! – воскликнула шокированная Маха.

– Много ты понимаешь... Ты хоть с парнем то была? Хоть раз! Готова поспорить, что ты еще целка! – подтрунивала над Махой Настя с гадкой ухмылочкой на губах.

– Ну, вообще то, да... То есть у меня пока никого не было, – как бы оправдываясь, смущенно сказала Маха. – Я пару раз ходила на свидания. Мы даже целовались...

– Тебе шестнадцать и ты еще не была с парнем?! – с деланным изумлением переспросила Настя. – У-у-у! Как все запущено!

– Вот именно, мне всего шестнадцать, – обиженно сказала Маха. – Да и не с кем было... А ты, что уже была с мальчиком!?

– С мальчиком... Кому нужны эти прыщавые дегенераты! – хмыкнула Настя. – Я люблю взрослых парней! Моему Жене было девятнадцать! Мы с ним такое вытворяли! У него такой... Но, кому я все это рассказываю?! Тебе ведь этого не понять?! Это нужно самой испытать!

– Ну, ты даешь, Настя! – искренне удивилась Маха, увидев ее совсем с другой стороны. – Ты такая...

– Какая? – приподняла бровь Настя.

– Ну-у-у... Не знаю. Раскованная, – нашла подходящее слово Маха.

– Слушай, Маха! Я тут с одним парнем познакомилась.

Он клевый! Может, ему позвать друга и мы вчетвером погуляем по Москве. Я лично хочу на ВДНХ. Там очень красиво и такой парк!. А еще я хочу на Чистые пруды. Ты же мне не показываешь Москву, а я хочу все увидеть, везде побывать. Ну что, зовем пацанов? – заговорщически подмигнув, спросила Настя.

– Ну, я не знаю, – нерешительно ответила Маха.

Она себе вдруг действительно почувствовала очень несовременной. Ее задело пренебрежительное отношение Насти.

– Может, со мной действительно что-то не так?! Почему одноклассники не обращали на меня внимание? В колледже то же самое. Меня никогда не приглашают на веселые вечеринки, а парни смотрят на меня только как на друга. Они вообще за девушку меня не считают! Наверное, Настя права и я отсталая, – с грустью подумала Маха.

Если бы Маха знала, с какой стороны нужно ждать беды! Настя не могла загипнотизировать Маху, как ее родителей, но она каждый день планомерно выбивала у нее из-под ног почву, заставляя чувствовать себя одинокой и неполноценной.

– Ладно, давай погуляем в воскресенье, – согласилась Маха.

– Ты, подруга, еще не безнадежна! – весело воскликнула Настя. – Ничего! Все поправимо! Сделаем из тебя человека. Ха-ха-ха!

Маха притихла и всерьез задумалась о своей жизни. Она

действительно отстала от времени. Еще в прошлом году они с мамой писали письмо Деду Морозу и благодарили его за чудесный новый дом. Маха тогда загадала маленькую сестренку, мечтая как с куклой возиться и играть с веселым младенцем. Она не предполагала, что «маленькая сестренка» окажется не по годам развитым четырнадцатилетним монстром, который превратит ее безмятежную жизнь в череду кошмаров.

– Вот бы стать похожей на Настю! – нахмурившись, подумала Маха. – Она ничего не боится, все ее слушаются. Она всегда лучше нас с Кешей. Мне кажется, наши родители после знакомства с Настей стали ее любить больше, чем меня с братом. Мне бы такую уверенность в себе!

V

В воскресенье Настя с Махой, как и собирались, поехали в Москву, причем на автобусе. Настя не захотела связываться с Виктором и что-либо объяснять. Она занялась преображением Махи, ярко ее накрасив, наплоив волосы и одолив свои безвкусные вещи кричащих тонов. Ее усилиями Маха стала похожа на малолетнюю путану. При этом сама Настя осталась в джинсах, кислотно-желтом джемпере и короткой красной курточке с капюшоном. Приехали в Москву. На остановке их уже ждали двое рослых парней лет двадцати. Парни, назвавшиеся Гошей и Димой, пригласили девчонку покататься по городу.

– Крутая тачка! Сразу видно, японочка! – со знанием дела

произнесла Настя, обойдя вокруг машины.

– Ты в тачках разбираешься! – заметил Гоша.

– Еще бы! Я всего два месяца в Москве, а раньше жила во Владивостоке. Там почти у каждого японская тачка, а то и две. Красавица, вроде этой, для города и внедорожник для загородных поездок по нашим колдобинам. – сказала Настя. – А еще там океан!

– Круто! – заметил Гоша. – Хотел бы я посмотреть на океан. Я дальше Турции никуда не уезжал.

– Лично мне он надоел. Хочу в Турцию, – нахально заявила Настя. – Поехали вместе?

– Не вопрос, – на полном серьезе ответил Гоша.

– Ловлю на слове! Смотри, ты пообещал! – рассмеялась Настя, усаживаясь в сияющую новизной машину.

Маха неуверенно последовала ее примеру. Гоша с Димой всю дорогу развлекали девчонок глупыми пошловатыми историями и анекдотами. Гоша был за рулем, а Дима уютно устроился на заднем сидении между Махой и Настей. Он хозяйски положил руки на плечи девушек, пытаясь обеих сразу стиснуть в своих объятиях. Настя вызывающе громко хохотала, а Маха себя чувствовала ужасно неловко и почти все время молчала.

– Твоя подруга не из болтливых! – заметил Гоша, глядя в зеркало на происходящее в салоне машины.

– Маха та еще тихоня! – согласилась Настя. – Я ее еле уговорила прогуляться с нами.

– Девчонки, у меня сегодня такой праздник! Я купил квартиру. Прикиньте, из моего окна видна Останкинская башня. Хотите, покажу? – предложил Дима.

– Это твой папаша тебе купил квартиру. Сам бы ты на нее до пенсии копил, – спалил друга Гоша.

– Не все ли равно!?! – отмахнулся Дима, косо глянув на ухмыляющуюся в зеркале физиономию Гоши. – Это дело все равно нужно отметить! Девчонки, вы с нами?

– Конечно! – весело воскликнула Настя.

– Ты классная девчонка! Главное, легкая на подъем! – рассмеялся Гоша, восхищенно глядя на Настю.

– Но, Настя, ты же хотела на Чистые пруды! – нервно глядя по сторонам, сказала Маха.

Ей не понравились ни Гоша, ни Дима, а идея ехать к ним в гости ей понравилась еще меньше.

– С ума сошла?! Маха, ну какие Чистые пруды?! Посмотри, холод собачий! Там, наверное, весной хорошо будет. Вот тогда и пойдем туда гулять, а сейчас середина ноября, – сказала Настя, поежившись так, словно ей стало холодно.

– Крошка, хочешь, я тебя согрею? – предложил Дима, скользнув рукой с плеча на талию Насти.

Она расхохоталась, что-то прошептала ему на ухо и пристально взглянула в глаза. Дима сразу же ослабил хватку и переключил свое внимание на скромно сжавшую коленки Маху. Дима настойчиво обнимал готовую на ходу выпрыгнуть из машины испуганную девчонку и пытался ее поцело-

вать, но Маха уворачивалась от его назойливых поцелуев.

– Да не дрожи ты так?! – рассмеялся он. – Я же не съем тебя?! Хотя, я бы не против тебя хорошенько распробовать.

Гоша с Настей дружно рассмеялись, а на Маху напал приступ паники.

– Остановите машину, – истерично взвизгнула она.

Гоша послушно остановился у обочины.

– Дима, ты напугал девушку своей пылкостью, – сказал он, ласково улыбнувшись перепуганной Махе. – Садись рядом со мною. Я тебя не буду лапать, как это животное.

Настя, вопросительно посмотрела на Маху, прошептав:

– Не позорься! Ведешь себя, как маленькая! Никто тебя пальцем не тронет, если сама не попросишь. Ха-ха-ха!

Маха пересела на переднее сидение и немного успокоилась.

– Девчонки, смотрите, что у меня есть! – сказал Дима, доставая из внутреннего кармана куртки чекушку коньяка. – Будете?

– Давай! – тут же отозвалась Настя.

Она сделала большой глоток обжигающего напитка и вернула бутылешку Диме. Тот тоже сделал пару глотков и протянул коньяк Махе. Она хотела отказаться, но Настя прошипела ей в спину:

– Глотни, а то ты вся дрожишь! Расслабься немного. На тебя смотреть тошно!

Маха послушно сделала глоток из горлышка и, задохнув-

шись алкогольными парами, закашлялась. Настя и парни рассмеялись.

– Попробуй еще разок, – посоветовал Дима.

Настя повторила попытку с большим успехом. Огненное тепло стало медленно разливаться по всему телу и на душе действительно стало немного спокойнее.

– Ну что, подруга, зашло? – рассмеялся Гоша.

Маха в ответ лишь кивнула.

– Выпей еще, – предложила Настя.

Маха почему-то ее послушалась. В глазах все слегка поплыло и захотелось смеяться. Настя ухмылялась, глядя на разомлевшую Маху.

– Ну вот, приехали! – воскликнул Дима.

Они с Гошей помогли девчонкам выйти из машины и направились к одной из новостроек. Маху слегка повело и она крепко вцепилась в локоть Гоши. Лифт поднял их на девятый этаж. Дима открыл дверь своей квартиры. За накрытым столом в отсутствии хозяина сидел со стопкой водки в руках похожий на шкафа бородатый мужчина лет тридцати с сине-красными татуированными руками. Рисунок тату невозможно было рассмотреть, такой он был насыщенный и сложный, убегая под рукава футболки. Он смотрел боевик по телику и не обращал никакого внимания на пожиравшую друг друга поцелуем парочку, расположившуюся на диване. Светловолосый паренек и девушка с неестественно красными волосами ничуть не смутились присутствия в комнате третье-

го и, если бы не пришел Дима с друзьями, скорее всего, продолжили бы свои любовные игры на новом уровне.

– Привет! – крикнул всем с порога Дима. – Толян, ты уже здесь?!

– Привет, Димон! Гоша, ты тоже здесь? – воскликнул Толян, обнимая младшего брата.

– А где же мне еще быть?! – рассмеялся Гоша, пожав Толяну руку.

Парочка на диване решила притормозить с любовью. Светловолосый парень встал навстречу вошедшим.

– Здорово, пацаны! – сказал он, здороваясь с ними за руку.

– Костян! Давно не виделись! – ответил Дима.

– Привет, Костян! – отозвался Гоша.

Девушка осталась на диване и, застегивая блузку, помахала вошедшим рукой.

– Девчонки, знакомьтесь Мой брательник Толян! А вот эта сладкая парочка, мои самые близкие друзья, Костян и Натали, – сказал Дима, обнимая Настю с Махой.

– Симпатичные девчонки! – заметил Толян. – Особенно рыженькая! Как зовут?

– Блондиночку зовут Настя, а рыженькую Махой, – пояснил Дима. – Ну что, девчонки, за стол садимся?

– Всем привет! – весело воскликнула Настя, снимая куртку.

Маха молча стояла с затуманенными глазами. Настя помогла ей снять куртку, прошипев на ухо:

– Что спишь на ходу?! Очнись, не позорься!

– Народ, девчонки, давайте все к столу, – пригласил Дима.

Он слегка подтолкнул девушек к столу. Они сели за стол.

Гоша открыл шампанское и разлил шипучее вино по высоким фужерам. Костян с Натали тоже присоединились к застолью. Вначале компания весело болтала, попивая шампанское и закусывая бутербродами с красной икрой, нарезочкой и салатиками. Потом перешли к более крепким напиткам. Раньше Маха никогда не пила алкоголь, даже шампанское не пробовала. Естественно, жесткий коктейль из коньяка, шампанского и красного вина ударили ей голову, а вот Настя сидела трезвая, как стеклышко. Маха поняла, что засыпает.

– Твоя подруга уже готова, – рассмеялся Толян, обращаясь к Насте. – А ты молодец! Ни в одном глазу. Может, отнести ее в спальню. Пусть проспится.

– Это мысль! – согласилась Настя, ударив волной из бездонных глаз-колодцев в глаза Толяна. – А ты готов? Можешь не спешить возвращаться.

Она подошла вплотную к Толяну и что-то прошептала ему на ухо, снова пронзив его взглядом. Толян кивнул, подхватил Маху на руки и вместе с ней скрылся в соседней комнате. Он делал то, что мысленно приказала ему Настя и что он сам захотел сделать с симпатичной рыжей девчонкой, как только ее увидел. Маха плохо понимала что происходит. Она лишь чувствовала, что не может шевельнуться под тяжестью навалившегося на нее тела. Она не слышала собственные крики,

не могла потом вспомнить, как оно все было в первый раз и что она при этом чувствовала. Возбужденные доносящиеся из спальни криками и стонами, Костян с Натали вернулись на диван, чтобы продолжить занятие, прерванное с появлением Димона и Гоши.

– Там твой брат один может не справиться, – подмигнув, шепнула Настя Диме. – Иди, помоги брату!

Она взглянула ему в глаза и Дима послушно пошел в спальню.

– Ну а ты что? Пойдешь с Димоном? – спросила Настя немного смущенного Гошу.

– Я хочу остаться с тобой. Ты реально крутая девчонка, – прошептал Гоша, обнимая и целуя Настю. – Пойдем на кухню. Здесь мы лишние.

Он со смехом показал в сторону Натали и Костяна, без зазрения совести занимающихся любовью на диване.

– Пойдем! Я лично хочу кофе, – сказала Настя, ответив на поцелуй Гоши протяжным долгим поцелуем.

Они пошли на кухню. Гоша сварил крепкий ароматный кофе, сделал бутерброды с сыром и вытащил из холодильника коробку с пирожными. Пока два брата насиловали одуревшую полубесчувственную Маху, Настя весело болтала с симпатичным Гошей.

– Так ты учишься в универе? И кем ты будешь, когда закончишь? – спросила она, вслушиваясь в мысли Гоши.

Насте понравилось, как он с восхищением смотрит на нее,

пытаясь угадать, сколько ей лет, а все мысли у него в голове вертятся не только о том, как бы побыстрее стянуть с нее трусы. Гоша мечтательно разглядывал беловолосую девчонку, желая узнать ее ближе, как человека, и это было очень приятно Насте, для которой одинаково пошленькие мысли знакомых парней стали давно наскучившей темой.

– Я стану программистом. Я уже подрабатываю в одной известной компании модератором. У меня нет такого богатого отца, как у Димона. Приходится самому вертеться, снимать квартиру и платить за учебу, – ответил Гоша, помогая Насте накрыть на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.